

## Жизнь за экраном

# БАНИОНИС БЕЗ "МЕРТВОГО СЕЗОНА"

С популярным актером  
беседует корреспондент "Недели"  
Геннадий ЛИТВИНЦЕВ

Приезжего из Литвы едва ли не первым делом спрашивают:

- Как там у вас Банионис поживает? Чем занят? Видите ли его?

Донатас отозвался по телефону приветливо-просто:

- В самом деле, в России не забыли обо мне! А кажется, что людям сейчас не до воспоминаний.

И вот я в Паневежисе, маленьком старинном городе, который знаменит прежде всего своим театром, созданным до войны Юозасом Мильтинисом. Сюда по-прежнему каждый день приходит Банионис.

- Донатас, подумать только, вы на сцене более пятидесяти лет! И все в одном театре, в одном городе. Сколько, образно говоря, исторических декораций сменилось за это время! Как вы ощущаете эти перемены на себе, на судьбе театра?

- Человек, по несчастью или к счастью, меняется не так быстро, как декорации. И современному зрителю, как и прежде, Шекспир, Софокл или Чехов способны сказать больше, чем поделки на злобу дня. Те, кто политизирует театр, превращает его в балаган, в модное шоу, ради кратковременного успеха, по сути разрушают его. А его призвание - лечить душу человека, побуждать к размышлению, облагораживать его жизнь, наполняя духовным смыслом. Я всегда повторяю слова учителя Мильтиниса: "Театр - тот же храм".

Вы знаете, Мильтинис начинал работать здесь, когда Паневежис был совсем маленьким захолустным городом, образ жизни его жителей был почти сельским. Режиссер не стал подлаживаться под этот быт, под провинциальные вкусы. Нет, он сразу заговорил с людьми языком высокого искусства, стал ставить сложные спектакли. Он не потакал зрителям, а растил их, как пастырь. Вспоминаю один случай. Зал полон, идет спектакль, на сцене сам Мильтинис. Вдруг он прерывает действие и обращается к публике с гневной репликой: "Как вам не стыдно!" Оказывается, кто-то из зрите-

лей грыз семечки. Мильтинис не мог допустить такого неуважения к театру. И люди не обиделись, приняли этот урок. Разумеется, воспитывала прежде всего личность Учителя, его жертвенное, рыцарское отношение к делу. И можно было видеть, как иногда крестьяне, приехавшие на спектакль, оставаясь на крыльце театра свои башмаки - стеснялись зайти обутыми.

Конечно, атмосфера благоговейного отношения к театру сейчас во многом утрачена. Говорят: такое время. Но мы и сами подрываем уважение и веру в свое искусство, когда потираем низким вкусам, распушенности, вводим в спектакли шлагеры, секс, приемы комиксов, цирковых представлений. Нигилизм разрушителен, он не способен создать что-либо действительно ценное. Актеру, способному к психологической игре, стало нечего делать на сцене. Отсюда - постоянные конфликты режиссеров с актерскими коллективами, драма театра.

- Какое время для вас лично памятно, как наиболее светлое, творческое, плодотворное?

- Что говорить, все мы склонны идеализировать, приукрашивать свою молодость. Но для меня конец пятидесятих - шестидесятые годы, как, наверное, и для большинства людей искусства моего поколения, действительно многое значат. В то время в театре были созданы лучшие спектакли Мильтиниса и нашего коллектива, и в кино я встретил талантливых, а главное, близких мне по духу режиссеров - это Витаутас Жалакявичюс, Андрей Тарковский, Савва Кулиш (мои работы в кино более известны в России, - "Мертвый сезон", "Никто не хотел умирать", "Соларис"...)

"Оттепель" тогда свалила камень с души, позволила вдохнуть свежего воздуха. Возродился интерес к человеку. Нас вдохновляла эта всеобщая потребность сказать новое слово, очиститься, пробиться к правде, сломать лед казенной догматики. Разумеется, и тогда хватало различных идеологических запретов - достаточ-

но вспомнить знаменитые "разносы" деятелей культуры Хрущевым. В искусстве вырабатывался даже особый стиль притчи, символа, метафоры - но "имеющие уши да слышали". В творчестве мы часто выражали то, о чем не могли открыто сказать в жизни. И люди благодарно, восторженно воспринимали молодую литературу, театр, кинематографию. Контакт с публикой, со зрителем, с читателем был такой, о котором сейчас приходится только мечтать.

- Вам довелось встречаться, работать, переживать творческие мгновения со множеством замечательных людей искусства. Поддерживаете ли с ними дружбу, встречаетесь ли?

- К сожалению, многие связи утрачены. Жизнь развела всех по своим углам. С радостью и благодарностью за былую дружбу вспоминаю Виою Артмане, Евгения Лебедева, Олега Басилашвили, Ролана Быкова, Бориса Хмельницкого - да Господи, "нас было много на члене". По-прежнему люблю их, считаю своими друзьями. А вот видется - не видимся. В Москве бываю редко, проездом. Раньше случались разные съезды, совещания, фестивали. Формальные мероприятия - но они давали возможность встретиться, пообщаться. Теперь этого нет. Духовно, я чувствую, мы все так же близки, но из-за политиков оказались разьединенными. Творческие люди, думаю, не могут от этого не страдать.

- Разьединенность, потеряность... Мы, ваши зрители, читатели, слушатели, в недоумении - где вы, мастера культуры, почему не слышно ваших голосов в столь трудный час?

- Мог бы в ответ напомнить библейское - о гласе вопиющего в пустыне. Ведь сейчас художника никто не видит и не слышит. Театры опустели, хорошие фильмы не идут. А может быть, в такое время лучше остановиться, помолчать, сосредоточиться? Тем, кто сейчас торопится сказать, даже выкрикнуть то, что им представляется важным на сегодня, уже завтра бывает стыдно за свои слова. У нас в Литве творческая интеллигенция отходит от политики. Наверное, сейчас время аккумуляции творческих сил.

- А у кого из режиссеров хотелось бы сняться, в каких ролях?

- Интересно было бы поработать, скажем, с Жалакявичюсом, Алексеем Германом, Никитой Михалковым, Альгисом Пуйпой... Хотя не представляю, что они могут сделать в нынешней обстановке. По правде сказать, и сам уже не мечтаю сыграть какую-то выдающуюся роль. Хотя... могут быть всякие неожиданности. В искусстве, как и в жизни, верю в счастливый случай. Может быть, Бог еще пошлет его...